№ 6 | осень 2025

ПРОЯВЛЕНИЕ НЕВИДИМОГО СУБЪЕКТА: КАК АНОНИМНЫЙ ДРЕВНЕРУССКИЙ АВТОР ПОМЕТ В ТРАВНИКЕ ПЕТРО АНДРЕА МАТТИОЛИ (1501-1577) ОБНАРУЖИВАЕТ СЕБЯ СКВОЗЬ ТЕКСТ

Екатерина Святохина

УДК: 8+80+801.82+801.7

Ключевые слова:
роль автора, глоссы,
травник Маттиоли,
древнерусская книжность,
научное знание на Руси, субъект

Аннотация

В статье, посвященной проблематизации роли автора в контексте изучения глосс неизвестного русского книжника рубежа XVII-XVIII веков на полях травника ботаника Андреа Маттиоли (Prag, 1563), раскрывается аспект проникновения субъективного опыта в научный текст. Основной целью является проследить за тем, как выделение авторского подхода и его специфических черт в тексте влияет на принцип работы с пометами и их интерпретацию, помогая обнаружить неявного субъекта. Используя методику точек зрения повествователя применительно к нехудожественному тексту надписей, мы можем открыть контекст образа мыслей и интенций автора, несмотря на их непроговоренность в обезличенных на первый взгляд глоссах.

*The Detection of the Invisible Author: How the Anonymous Writer of Marginalia in the Herbal Book of **Mattioli, Pietro Andrea** (1501-1577) Reveals Himself Through the Text*

Ekaterina Svyatokhina

Keywords:
authorial role, glosses,
the Herbal Book of Pietro Andrea Mattioli, Old Russian bookishness,
scientific knowledge in Rus',
the subject

Abstract

This abstract examines the author's role through a study of glosses by an unknown Russian scribe from the turn of the 18th century, found in the margins of botanist Pietro Andrea Mattioli's herbal (Prague, 1563). It explores the infusion of personal, subjective experience into the scientific text of these glosses. The primary goal is to trace how identifying the author's unique approach and specific features within the text influences the methodology for interpreting the marginalia, thereby helping to reveal the implicit subject. By applying the methodology of narrative viewpoint analysis to these non-literary annotations, we can uncover a broader context for the author's mindset and intentions, which remain unstated within the highly impersonal-looking glosses.

При работе с таким источником, как печатный травник Маттиоли [Mattioli 1563] XVI века, содержащий в себе записи безымянного русского автора, относимые к рубежу XVII-XVIII веков, исследователь сталкивается с бóльшим количеством белых пятен, чем конкретных фактов.

Первой отметкой о его местонахождении в России является свидетельство о том, что некий Пав<ел> Слепцов[1] [Норцов 1904] передал издание из города Сердобска в Московский Императорский Университет в 1869 г. Доподлинно неизвестен путь, которым издание попадает в допетровскую Русь [Успенский 1970], неизвестно имя и статус книжника, оставившего больше 800 подписей разного размера и содержания к иллюстрациям в травнике, неизвестна и мотивировка такого большого труда (объем книги составляет 575 листов большого (2°) формата).

В такой ситуации исследователь оказывается скован узкими рамками максимально деперсонализированного текста, сообщающего на первый взгляд исключительно факты о растениях и их использовании для лечения болезней, откликаясь на соответственые статьи в травнике. Как текст, претендующий на существование в качестве научного, он лишен оценок и должен выражать некоторые объективные истины о свойствах трав, принятые на тот момент в зарождающейся русской ботанической традиции. О научной направленности помет можно судить по некоторым внутритекстовым особенностям, заключающимся в контекстуальных маркерах такого типа сочинений на Руси этого периода: использование церковнославянизмов и полонизмов, организация помет по принципам, характерным для азбуковников, с вынесением латинского, после русского и/или транслитерированного названия растения и заметкой о характеристике описываемого после.

Тем не менее, уже на этапе определения мотивации записей, мы проводим работу, включающую в себе исследование как бы не существующего в рамках текста субъекта — автора данных помет. Стоя за их написанием, он является актором, обладающим некой интенцией и замыслом как отдельная личность, и его намерения формируют объект его действий. Таким образом, появляется возможность, если не определить достоверно, то приблизиться к открытию неизвестных нам сведений о процессе и месте создания записей через детали, указывающие на контекст, в котором находился автор как субъект, опираясь на текст.

---

1. Это может быть Павел Петрович Слепцов (1845-1880), в 1869 г. окончивший Демидовский лицей в Ярославле, но может быть и Павел Иванович (1818-?); еще один Слепцов – Павел Васильевич (1824-1882) – жил в Москве, а не в Саратовской губернии [Норцов 1904].

Основной проблемой при работе с автором научного текста как с обладателем личного опыта и носителем персональных качеств является ориентирование большинства методов исследования фокализации в нарративах на материале художественных текстов. Мы не можем говорить о повествовании и средствах выразительности, оценке и авторской идеологии, особенно находясь в контексте естественно-научного знания. Таким образом, оказываясь лишенными значительной части способов анализа, мы оказываемся в ситуации, где мы адаптируем и изменяем его инструментарий под научный текст. Выбрав методику точек зрения повествователя, описанную Б.А.Успенским [Успенский 1970], для реконструкции образа анонимного автора, предполагающую анализ различных планов текста, мы концентрируемся на плане выбора языковых средств и фактической информации.

Рассматривая словоупотребления книжника, рассматривая его как субъекта, мы можем определить, во-первых, какая лексика для него выступает в качестве научной, какие термины и названия он знает и предпочитает использовать. Здесь стоит оговориться: во многом данный аспект связан с тем, что ботаническая наука как отдельная отрасль находилась в зарождающемся состоянии на рубеже XVII-XVIII веков в России. Терминология и язык ученых сочинений только формировались и были далеки от единообразия, находясь на пересечении новейших европейских сведений и существующей многовековой традиции, ориентированной на азбуковники и иные компиляции, существующие в первую очередь как продукт древнерусской книжной культуры. Во-вторых, мы получаем возможность собрать условную “библиографию” автора, прослеживая совпадения названий и конструкций в известных нам источниках, которыми он мог и, скорее всего, пользовался при подготовке текста помет. Именно анализ этого плана подтверждает гипотезу о его научном назначении, вернее, о *стремлении* автора представить его в таком качестве: употреблением им церковнославянизмов (например, выбор слова “власы” в конструкции “власы женские” при русификации названия растения *Trichomanes, vulgo Polytrichum*) должно связывать текст с традицией собраний-азбуковников, а полонизмы (такие, как “рожа”/“рожень” в описании растения, в современном русском записываемом как “Роза”[2]), говорит о представлении о польском как о языке науке, на котором существовали сведения, пришедшие из Европы, и уже после попавшие на Русь. Также мы можем выяснить и некоторые труды, используемые книжником для составления своих помет (а, следовательно, известных в определенном кругу,

2. Данная на запись содержится на странице [61А] в источнике.

к которому он относился, и находившихся в его доступе): так, ошибочно определяя циветту как “морского барсука” — носуху, он использует сведения из *Aldrovandi, Ulisse. De quadrupedibus digitatis viuiparis libritres, et De quadrupedibus digitatis ouiparis libri duo* [Aldrovandi 1637].

Во многом этой же цели служит анализ плана выбора фактуальной информации: книжник строит свои пометы по одному принципу, используя форму, привычную для азбуковников и травников [Ипполитова 2008]. Он записывает факты о месте произрастания, времени сбора, особенностях внешнего вида растений и рецептах лекарств, однако делает это только в самом начале — после первой трети от заметок остаются только транслитерированные и иногда русские названия. С одной стороны, это может давать информацию о широте знаний автора, о том, что ему известно или неизвестно, а с другой — говорить о его мотивировке, условиях и контексте работы, так как среди оставшихся без даже краткого описания есть достаточно большое количество скорее ему знакомых (в отличие от многих достаточно экзотических, но находящихся в первой части книги).

Несмотря на то, что на данном этапе установка личности книжника представляется затруднительной, с помощью анализа проявлений субъекта через планы текста были выявлены структурные и фактические элементы, позволяющие с определенной долей уверенности поместить автора в контекст Аптекарского приказа, осуществляющего в том числе научную и учебную деятельность, объясняя таким образом возможную прагматику создания русских записей к тексту зарубежного травника. Таким образом, восстанавливая и выделяя автора текста, мы открываем более широкий контекст, чем в случае работы с текстом глосс как с изолированным материалом. “Голос” книжника отражает специфику формирования научного ботанического нарратива в России XVII-XVIII веков.

Список источников

1. [Азбуковник 1632] — Азбуковник Давида Замарая 1632 г. Библиотека Российской академии наук, Архангельское собрание, Д446.
2. [Азбуковник 1640 - 1649] — Азбуковник Сергия Шелонина (первая редакция) 1640 - 1649 гг., Библиотека Российской академии наук, 33.9.1.
3. [Азбуковник 1653 - 1659] — Азбуковник Сергия Шелонина (третья редакция) 1653 - 1659 гг. Российская национальная библиотека, Соловецкое собрание, 18/18.

4. [Aldrovandi 1637] — *Aldrovandi, Ulisse.* De quadrupedibus digitatis viuiparis libritres, et De quadrupedibus digitatis ouiparis libri duo. - Bonon[iae]: Apud Nicolaum Tebaldinum, 1637.
5. [Mattioli 1563] — *Mattioli, Pietro Andrea* (1501-1577). New Kreüterbuch mit den allerschönsten und artlichsten Figuren aller Gewechß, dergleichen vormals in keiner Sprach nie an Tag kommen / von dem Hochgelehrten vnd weitberuembten Herrn Doctor Petro Andrea Matthiolo ; erstlich in Latein gestellt ; Folgendts durch Georgium Handschder Artzney Doctorem verdeutscht, vnnd endtlich zu gemeine, nutz vnd wolfart Deutscher Nation in druck verfertigt. Prag: Melantrich von Aventin, 1563.

Список литературы

1. [Ковтун 1989] — *Ковтун Л.С.* Азбуковники XVI-XVII вв. [Текст]: старшая разновидность / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989.
2. [Худин 2021] — *Худин К.С.* Документы Аптекарского приказа (1629-1672 гг.) как исторический источник. Дисс... канд. ист. наук, М.: МГУ, 2021.
3. [Норцов 1904] — *Норцов А. Н*. Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых, с их ветвями (с гербами, портретами и таблицами). Тамбов, 1904.
4. [Сапожникова 2016] — *Сапожникова О. С.* Лицевой Травник Сергия Шелонина: список с перевода русского врача XVI в. Вестник “Альянс-Археo,” Вып. 15, 2016. С. 11-40
5. [Бакланова 2014] — Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: монография / И. И. Бакланова ; Гос. ин-т русского яз. им. А. С. Пушкина. - Москва : Информационно-учебный центр Гос. ин-та русского яз. им. А. С. Пушкина, 2014.
6. [Успенский 1970] — Поэтика композиции : структура художеств. текста и типология композиц. формы / Б. А. Успенский. – Москва : Искусство, 1970. – 224 с., [15] л. ил. – (Семиотические исследования по теории искусства).
7. [Ипполитова 2008] — *Ипполитова А.Б.* Русские рукописные травники XVII-XVIII веков: исследование фольклора и этноботаники / А. Б. Ипполитова. М.: Индрик, 2008 М.: Типография "Наука" РАН.

Святохина Екатерина Владимировна
Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва
Факультет гуманитарных наук, бакалаврская программа «Филология»
evsvyatokhina_1@edu.hse.ru

Ekaterina V. Svyatokhina
National Research University *Higher School of Economics*, Moscow
Faculty of Humanities,
BA programme in *Philology*
evsvyatokhina_1@edu.hse.ru